

- Нет, нет, я не трону его денег; я и так проживу, сам много думал, чтобы в школу сына отдать, а теперь доли выпала ему. Приомотрело небо.

Для Эрди началась новая жизнь.

Ж
Ж

Победа русских большевиков над казаками и калмыками многим прервала или искривила жизненный путь... Отлично прошедший пять классов реального училища, уже подумывавший о факультете Эрди, бывалым, дважды раненым землеметом, очутился в эмиграции. Одна из немногих выехавших в эмиграцию калмычек стала его подругой. Он уже семьянин; у него двое детей. Трудно ему фабричной работой содержать семью, но он твердо решил провести своего первенца, теперь шестилетнего мальчика, через заграничные школы. Он помнит, как его старый, бедный отец - станичный пастух ни копейки не взял для себя, чтобы вывести его, Эрди, в люди.

---oO---

Шалвур НИМИНОВ.

Н О Ч Н Ы Е Д У М Ы.

Ночь зимней, долгой, лунной,
Когда в клетках Праги - сонный бред,
Напрягает нити мозг утомленный
И мутные волны мыслей вразброд
Давят лавиной мой лоб сморщенный...

I.

Вот искрится на солнце змейка Сал;
Зеленеет лугами Мангыч соленый;
Здесь - цепь курганов, длевних могил;
Там, в камышах, полнорыбный Аул;
И стелется равнина степи ковыльной,
Где аймак наш старый когда-то был.

В честном труде здесь жизнь проводили;
Богу молились и боялись чертей;
Обильное молоко на раку переводили
И, не думая о беге грядущих дней,
В покое, довольстве, в мире проживали.

За чашей первой покой мертвым просили;
Вторую пили за здоровье детей;
Умноженья телят за третьей желали,
А потом, выходя, седлали коней
И верхами визиты продолжали.

В лунные ночи весны трюбанной,
Когда от буйства и страсти бугаев
Метаясь в панике гурт аймачный,
Молодежь не уставала от вечеров
И лопотал в тишине "домбур" мягковзвучный.

Когда к полночи всеру воцарялся сон,
А девицы пальцы уставали играть,
Из кибитки гостеприимной выходили мы вон
И начинали во мгле "белую кость" кидать.

Потом сходились в тени скирда,
Иль, спустившись в туман соседней балки,
Шептали любовь в девицы уста,
А карканье в кустах сердитой галки
Казалось ворчаньем старой гадалки...

II.

Когда в битве великой сцепились народы,
Где крепость и силу пришлось показать,
Пошли и мы в бои, походы...
Но там, где силой правил кат,
Где не было любви, согласия лад,
Первыми обрушились на головы своды...

Когда ветхого зданья рухнули стены
И сорвались с цепей безумные звери,
Станичники наши, без страха тени,
С плетью защищая родные двери,
Тысячами ушли под вечны сени.

Когда дикая сила миллион зверей
Одолевала смелость аймаков,
Решили они уйти из степей
И, пустясь в путь по следам бойцов,
Крестные муки начали сальцов.

Ни сосучий размокший чернозем,
Ни кося смертоносных эпидемий,
Ни холод и голод вдвоем,
Ни зверства красных палачей,
Ни подлость белых вензелей
У черноморских пристаней
Не сломили воли кочевой.

И серые глыбы лишь Стамбула,
Да проволоки черных часовых
Навели тоску и жуть сначала
На вольных сынов степовых...
С тех пор чередуются года
И, как будто изгнанию нет конца.

- 48 -

III.

"Рабочий корпус Черноморья"
Английской армии Гарингтона,
Вислоухие мулы "кинг-Джорджа",
Высокие козлы "джиэс-вагона",
С колпачками медными "лимбера",
Британской обрुи цепи, кольца
Получили труд и пот венгара;
И спасибо "джонам" без конца,
От них мы узнали валюту - лира.

И в лесистых ущельях Балканских гор
Нашел работу наш брат венгар.
С нуждой и горем ведя жарский спор,
Звенит лопата и свистит топор.
И в подземельях болгарских шахт,
Каждый день спускаясь в ад,
Иль кучерами при "каруцах",
Иль шитьем оболуживая "дрехар",
Коротает жизнь с тоской на лицах.

В стодолах чешских "бедлаков",
Дружа с "кравами" и "кунвми",
Вкушая сладость "кнедликов",
Забытые Богом и людьми,
Живут десяток калмыков.

В глуши лесов и Пинских блат,
Отдавшись полякам без возврата,
Устав просить у Бога благ,
Живет, страдает и тут наш брат.

В прекрасной Франции иногда,
В притонах Монмартских кабаков,
С повадками мота и номада
Можно встретить калмыков,
Пришедших стряхнуть сор завода,
И взамен вина да "свежацков"
Отдать много пятачков.

В рядах иностранного легиона,
Глотая пыль и дыша песком,
Десяток мирян и два гелюна
Службу несут верхом, пешком.

На заводах Бас-Индры и Монтаржи,
В фабричных клетках Десина,
В заводских цехах Вилли

Не забыв в нужде молитву Богу,
 Воздвигнув Ему скромный храм,
 От тяжкой жизни горбясь в дугу,
 Осело много и в "Мокром Лугу"
 И растут землянки у них там.

IV.

А в степях калмыков и казаков
 Расселось красное хамьё
 И с тупыми мордами скотов
 Тянут колхозное житьё.

А тут "бывшие вожди",
 Поседев садовыми головами,
 Проморганши нации судьбу,
 Дрожат над казачьими деньгами.

Один домище купил с садом,
 Другой виллу с огородом,
 Третий банк открыл доходный,
 Иной, грузы реализовавший,
 Живет султаном, акционером...

Лишь один Бадьма, стремясь вперед,
 Не замерал чести и нал народ;
 Он в часы народных бед
 Не слезл руку в донской кисет.

И боясь казачьего присуда
 За свои рыльца, что в пуху,
 Каждый в душе - Иуда
 Тянет Казачество под Москву.

А ей то, старой блуднице,
 Ренегаты всякие ко двору,
 Как зимой голодной волчице
 И дрянь всякая по нутру.

Эх... вожди наши, вождёчки,
 Только нет на вас уздечки...
 Священную нации борьбу
 Повернули на руку врагу...
 Пороть бы вас и пороть,
 Да жаль... сейчас не могу.

Кругом падение и нищета,
 А нужда сильнее жмет тиски,
 Дерзания съедает беднота,
 А молодость седеющие виски,
 Но дни Свободы уж близки.

Хоть пали духом старики
И на их сердцах - отчаянья хлад,
Но пришли на смену середняки
И начали искать свободы клад;
А там идет и молодняк,
Удлиняя и ширя вольных ряд.

Медицину грызет у нас Лиджа,
Архитектуру взял Содман,
Юриспруденцию прошел Санжа,
Агрономию - Басан.
Шурганов дороги проведет,
С золотой медалью прет Эрдне,
Шиханов банки заведет
И мы опять уже не бедны,
Так как цепь и дальше идет.
Это только у калмыков,
А сколько их у казаков...
Нет, наше счастье - впереди,
Спецам хоть пруд пруди.

Растет и Бужк-парижанин,
Ходит в школу и Колар,
Хотя по имени он - болгарин,
Но все же вырастет эригар.
Там, на юге, Чингис растет,
Он знает язык югославян,
А здесь герой Хонгур живет,
Да еще "Санан-Баян"...
Все это - будущие вожди
Народа Калмыцкого столпы.
Дай им, Боже, здоровья трижды,
Да национальные укажь столпы.

Тут нашим женщинам пару отрок,
Труд и жертву их ценя,
Посвящаю я, как должок:
Спасибо - говорю, главу склоня,
Что деля с нами хлад и жар,
Судьбу и мужей не кляня,
Детей несете народу в дар.

Как зима суровая ни скует
Земля весной вновь цветет;
Хоть былых героев на свете нет,
Но народ живой их вновь найдет.

Как тоска душу ни гнетет
И тяжесть жизни нас горбит,
Свобода нам все вернет
И даст изгнанье позабыть.

Где дух смущенно присмирел
И потухают живые огни в очах,
Там вольноказацья свирель
Рождает надежду в казаках.

И я с мятежной душой,
Спевшись о Воле с казаком,
Не мирясь с оковой роковой,
Стихом моим тяжелым, грузным,
Красному хаму в рот дурной
Кричу о воле круговой:
Подожди лишь год один, другой,
Полетишь москаль колбасой!

А если судьбе угодно станет,
Чтоб мясо и кости сгнили здесь,
То с врагом счеты уравниет
Моя душа, вновь родившись...

Эх, если каждый так решит,
/Не боюсь против истины грешить/
"Казацью ось" могли-б поправить
И судьбой своей сами править...
Казачество, казаки,
Многострадальный народ,
И вы, их друзья - калмыки,
Надо перестать брести вразброд.
Спасенье наше - в нашей Воле -
Знать твердо мы должны,
А "тумов" наших не слушать боле
И к Свободе направить все умы.

.....
Чу!... загремели двери гаража...
Знать, рассвет уж недалек.
Шофера, минутами дорожа,
Готовят машины под гуляк...
Значит, скоро и мне вставать,
Ночные думы надо рвать...

---oOo---

Б. Б-НОВ.

КАЗАКИЯ.

Степи бескрайние,	Родина и Воля -	За счастье Казакии,
Шиние моря,	Вся жизнь казака;	За славу ее -
Реки многорыбные -	Божья сила,	Сметка казацья
Казацья края.	Храни их века.	И смелость егѳ.

---oOo---